

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

КРИТИКО-
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК
ПРИ ЖУРНАЛЕ
«ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК»

12

20 июня

1 9 4 0

ГОРЬКИЙ И ЧЕХОВ

А. Дерман

Чехов и Горький вступили в переписку раньше, чем познакомились лично. Это было в конце 1898 года, то есть в то время, когда Чехов находился в зените своей славы, а яркая звезда Горького только всходила над горизонтом. Инициатива начавшейся переписки принадлежала Горькому, пославшему Чехову свои книги вместе с препроводительным письмом. Но инициатива эта шла навстречу живейшему интересу, который был проявлен Чеховым к первым книжкам Горького и к их автору.

Теперь, когда вся их переписка опубликована и когда высказывания их друг о друге в письмах к третьим лицам также известны, — ясно, что буквально в первые же дни их еще заочного знакомства сразу же определилось чрезвычайно характерное отношение их друг к другу, — определилось, и таким осталось навсегда.

Оно было вот какое: со стороны Горького к Чехову — самозабвенное, восторженное обожание; со стороны Чехова к Горькому — насыщенный необыкновенно бодрой надеждой глубочайший интерес.

Как известно, Чехов был деликатнейший из людей. Кумиров у него, вообще говоря, не было, и даже более того: виспровержение всякого рода кумиров и авторитетов составляло путеводную цель всего его творчества. Но нечто вроде культа было и у него: культ уважения к человеческому достоинству, из которого и вытекала

его беспримерная деликатность. Читая его письма, мы то и дело наталкиваемся на случаи, когда Чехов, как говорится, золотит пилюлю: в письме, например, к литератору, приславшему свою книжку, Чехов благодарит и, хотя критикует, в то же время сообщает, что прочитал с удовольствием, а о той же книжке в письме к другому лицу дает уничтожающий отзыв, нередко сопровождая его резкими словами и о самом авторе.

Это не лицемерие, а сознательная, принципиальная деликатность. И как характерно, что в своих отношениях с Горьким Чехову никогда не приходилось прибегать к подобного рода «золочению пилюли»: его отзывы о произведениях Горького одни и те же, независимо от того, обращается ли он прямо к Алексею Максимовичу или пишет о нем кому-либо другому.

Вот, например, относящиеся к Горькому строки в письме Чехова к Батюшкову (от 24 января 1900 года): «Как нравится Вам Горький? Мне не все нравится, что он пишет, но есть вещи, которые очень нравятся, и для меня не подлежит сомнению, что Горький сделан из того теста, из которого делаются художники. Он настоящий. Человек он хороший, умный, думающий, и вдумчивый, но на нем и в нем много ненужного груза, например, его провинциализм». Если мы теперь заглянем в письма Чехова, обращенные непосредственно к Горькому, то найдем в них и настойчивые советы, расставаться с провинцией и указания на недостатки в тех или иных произведениях, — указания, которых, кстати сказать, Горький всегда настойчиво добивался.

В пору своей молодости Чехов с величайшей готовностью вступал в переписку с знакомыми и незнакомыми писателями об их произведениях, критиковал, давал советы и т. д. Потом все это довольно резко оборвалось. Думает-

ся, что причина тому — «друзей клевета ядовитая», которую познал Чехов в ряде случаев и которая особенно болезненно поразила его в тот страшный для него день 1896 года, когда провалилась в Петербурге его «Чайка». Этот провал вызвал непритворное ликование кой у кого из так называемых «друзей» великого писателя. После этого дня письма Чехова становятся сухие, лаконичнее, сдержаннее, аромат непосредственной доверчивости из них улетучивается...

Исключение (если говорить не об обычных письмах, а о переписке) составляет в эти последние годы жизни Чехова его переписка именно с Горьким. В ней Антон Павлович словно ожил, согрелся, стал доверчивей и ласковее. А в частности — тут он опять подолгу и подробно критикует, анализирует, подает литературные советы, спорит, предостерегает. Перед нами словно прежний молодой Чехов, только еще мудрее, еще тоньше. Его отзывы в этих письмах о различных произведениях Горького, например, о «Мещанах», прочитанных Чеховым еще в рукописи, поистине высокий образец литературной рецензии. Чехов ничего здесь от себя не навязывает автору: он всецело переносится в сферу его замысла и указывает, во-первых, что в фигуре того или иного персонажа расходится с авторским замыслом и, во-вторых, каким путем можно усилить те черты героев, которые ему, автору, особенно дороги. И все это проникнуто какой-то особенной, твердой и любовной верой в блестящее будущее молодого писателя, о котором он, едва лишь познакомившись с его произведениями, смело пророчествовал в письме к Поссет: «Из Горького выйдет большущий писатель, если только он не утомится, не охладет, не обленится».

Что касается отношения Горького к Чехову, то сказать можно одно: сразу же, с первого письма, видно, что у

Горького нехватает слов для выражения бушевавшего его восторга. Он сам это ясно почувствовал и написал, словно захлебнувшись любовью к своему старшему собрату: «Чувствую, пишу ерунду, бессвязное и восторженное что-то, но это, видите ли, потому все так глупо, что исходит от сердца...» В одном из следующих писем — еще определеннее: «Я вообще не знаю, как сказать вам о моем преклонении перед вами, не нахожу слов и — верьте! Я искренен. Вы могучий талант».

Справедливость требует признать, что Горькому первому принадлежит заслуга достойной оценки Чехова. Сейчас, когда великое значение Чехова общепризнано, когда уже никого не удивляет, что имя Чехова ставится в ряду гениев русской классической литературы, — сейчас отзывы Горького представляются естественными, потому что сливаются с сотнями других по тону и по содержанию. Но если мы вспомним, что они написаны сорок лет назад, когда эпитет «великий писатель» в применении к Чехову показался бы всем смешным преувеличением, — мы поймем, какую изумительную критическую зоркость и какое благородное ответственное мужество проявил Горький в своих оценках Чехова. «Как стилист, — писал он в 1900 году в газете «Нижегородский листок», — Чехов недосягаем, и будущий историк литературы, говоря о росте русского языка, скажет, что язык этот создали Пушкин, Тургенев и Чехов». Разве это не сбывшееся пророчество? Или другое место из той же статьи Горького: «Когда умрет Чехов — умрет один из лучших друзей России, друг умный, беспристрастный, правдивый, — друг, любящий ее, страдающий ей во всем, и Россия вся дрогнет от горя и долго не забудет его, долго будет учиться понимать жизнь по его писаниям...»

Прошло всего четыре года после появления этих пламенных строк, как

сбылось драматическое предсказание Горького: Россия, молодая Россия, уже бурно подымавшаяся в своем революционном нетерпении, содрогнулась при известии о кончине Чехова, порывом своего горя приведя в изумление всех староверов, привыкших к оценке Чехова как талантливого писателя, но не более того. И с какой сжатой меткостью определил в той же статье Горький самую сущность чеховского мастерства: «Страшная сила его таланта именно в том, что он никогда ничего не выдумывает от себя».

Чрезвычайно интересно, что то представление, какое составил Горький о Чехове по произведениям последнего, было на Чехова совершенно не похоже: «Я, — писал Горький, — фантазер по природе моей, и было время, когда я представлял вас себе стоящим высоко над жизнью. Лицо у вас бесстрашно, как лицо судьи, и в огромных глазах отражается все, вся земля и люди на ней, и солнце, сверкающее в лужах, и души людские. Потом я увидел ваш портрет, это был какой-то снимок с фотографии. Я смотрел на него долго и ничего не понял».

О чем говорит это недоумение? Несомненно о том, что Горький не был обманут, подобно очень многим современникам Чехова, кажущейся «простотой» произведений последнего, что он почувствовал, какая огромная глубина проникновения в жизнь таится в этой простоте. Горький ожидал и внешности, соответствующей этой мудрости, которая для него была ясна. И вдруг такое простое, «обыкновенное» лицо! Не загадка ли и оно?

Весною 1899 года писатели впервые встретились в Ялте, куда Горький приехал из Нижнего-Новгорода. И надо опять сказать: наиболее характерную, определяющую особенность Чехова он распознал тотчас же: уехав из Ялты, уже в первом своем письме к Чехову

Горький замечает: «Рад я, что встретился с вами, страшно рад! Вы, кажется, первый свободный и ничему не поклоняющийся человек, которого я видел». Это, конечно, было совершенно точное определение самой сущности духовного облика Чехова.

В отношениях Горького с Чеховым есть одна любопытнейшая черта. Как мы уже говорили, Горький настойчиво добивается указаний от Чехова на свои литературные промахи, просит советов и т. д. В письме из Нижнего-Новгорода от апреля 1899 года Горький пишет: «Я очень прошу Вас не забывать обо мне. Будем говорить прямо — мне хочется, чтобы порой Вы указали мои недостатки, дали совет, вообще — отнеслись бы ко мне, как к товарищу, которого нужно учить».

Чехов охотно шел навстречу этим просьбам. В частности — чрезвычайно обильны были его литературные советы и указания в тот период, когда Горький только вступил на поприще драматурга. И вот Горький просит советов, Чехов на них не скупится. Но ни одного из них Горький не выполняет! Ни одного!

Невольно напрашивается мысль, что Горький не соглашался по существу с указаниями Чехова.

Нет, соглашался вполне. Когда Чехов прислал свой разбор «Мещан» — подлинный, как мы уже отмечали, шедевр критического искусства, — Горький тотчас отозвался на него полнейшим согласием с чеховскими указаниями, но в то же время в пьесе ничего не изменил, хотя и имел возможность это сделать: «Мещане» еще не были напечатаны и на сцене еще не ставились.

Чем же объяснить такое странное противоречие? Как ни были правильны советы Чехова сами по себе, Горький творчески уже не мог ими воспользоваться, потому что мысль его в

это время была уже занята другими замыслами, а «Мещане» были для него творчески пройденным этапом. Из этого, конечно, не следует, чтобы общение Горького с Чеховым и даже конкретно к «Мещанам» относившиеся советы последнего пропали даром для писательского роста Горького. В сумму разнообразных благотворных влияний на художника вошли, несомненно, и мудрые советы Антона Павловича, но вошли не столь элементарно и прямолинейно, чтобы можно было указать на них пальцем.

Этот схематический эскиз взаимоотношений двух великанов русской литературы, как он ни краток, был бы существенно неполон, если не напомнить, что с именем Горького связано было единственное в жизни Чехова резкое общественно-политическое выступление.

В феврале 1902 года происходили в Академии наук выборы почетных академиков. В числе избранных оказался Горький, что вызвало возмущение со стороны Николая II, который хотя и слабо знал сочинения Горького, но зато был осведомлен о политической «неблагонадежности» писателя. По прямому требованию царя выборы Горького были объявлены аннулированными, причем правительство прибегло при этом к прямому подлогу: объявление было сделано от имени Академии наук, между тем как сами академики только из газет узнали об отмене выборов. Чехов и Короленко, уже состоявшие в то время почетными академиками, были глубоко возмущены бесцеремонностью царского правительства и в знак протеста отказались от звания почетных академиков.

Такова вкратце история отношений этих писателей: они были непродолжительны, но яркие и наполнены глубоко интересным и поучительным содержанием.